Глава 74. Признание и Разрыв отношений

Линь Чуцзю не знала, почему именно, но она чувствовала себя очень счастливой, наблюдая эту сцену. Видя это, Сяо Тяньяо, который сидел в своем инвалидном кресле с мрачным выражением лица, чуть не прикусил язык и не подавился. Он вообще не знал, что думать.

Однако теперь, когда никто не останавливал Линь Ваньтин, она решила, что поступает правильно, и продолжила. Линь Ваньтин указала пальцем на Линь Чуцзю и сказала:

«Сестра, это так? Ты правда сказала что-то плохое обо мне своему мужу? Как ты могла так поступить? Ты всегда говорила обо мне плохо перед папой и мамой. Ты всегда ябедничала на меня бабушке. Меня это не заботит, но, если ты говоришь такое перед зятем… Как ты могла? Разве ты не боишься, что твой муж узнает, какая ты на самом деле? Ты не боишься, что твой муж возненавидит тебя?»

«Ваньтин, не говори ерунды, твоя сестра не такая», – попыталась сказать мадам Линь, затем она притворилась, что пытается потянуть Линь Ваньтин за руку, следя за выражением лица Линь Чуцзю. Ей хотелось увидеть, как она сейчас испугается.

Линь Ваньтин бросилась в объятия мадам Линь, слезы покатились у нее по щекам одна за другой: «Мама, почему ты всегда так? Что бы ни делала сестра, ты всегда ее хвалишь. Разве ты не видишь, что она обижает меня? Ты все еще хочешь, чтобы я ее простила? Почему, мама? Почему наша семья ведет себя несправедливо?»

Линь Ваньтин была еще молода, но она отлично умела жаловаться. И слыша ее слова, люди поняли бы, как плохо и несправедливо с ней обращаются родные.

Обычно, когда Линь Ваньтин вела себя так, все становились на ее сторону и начинали обвинять Линь Чуцзю. Но на этот раз все отреагировали не так, как она ожидала.

Кроме ее матери, никто не смотрел на нее. Даже на лице ее отца было написано смущение, и он просто не переставая подмигивал ей, чтобы она сейчас же прекратила.

Что происходит?

«Папа, мама, вы мне не верите?» – смущенно спросила Линь Ваньтин, затем она посмотрела на Сяо Тяньяо и сказала: «Зять, вы должны мне поверить. Все, что говорила вам моя сестра, неправда».

Линь Ваньтин была еще молода, но она уже показала им, как хорошо она умеет флиртовать. Но, к сожалению, ей попался не слепой человек. Видя все это, Сяо Тяньяо сказал, совершенно бесстрастно: «Линь Сян, у меня нет чувства юмора, так что, если вы и дальше будете позволять своей дочери так себя вести, не вините потом меня, если она пострадает».

Это угроза!

Линь Сян не знал, как его дочь – милая и слабая девушка – могла обидеть Сяо Тяньяо. Но так как он видел, что Сяо Тяньяо недоволен, он испугался, что он действительно может навредить его дочери. И если Сяо Тяньяо это сделает, это в самом деле будет большой позор.

«Скорей! Не стой просто так, уведи куда-нибудь Ваньтин»,– сказал Линь Сян мадам Линь.

«Хорошо», – не сопротивляясь, ответила мадам Линь, но в глубине души ее слезы лились

водопадами.

Она видела представление Линь Ваньтин, и оно было превосходно. Она не могла понять, почему Сяо Тяньяо не показал и следа жалости. Мадам Линь деловито оттащила Линь Ваньтин за руку, поглядывая на Сяо Тяньяо, а затем сказала: «Уйдем куда-нибудь, Ваньтин».

«Мама…» – Линь Ваньтин застыла, как камень, не понимая, почему все так вышло. Она не хотела уходить, поэтому она обернулась и, глядя на Сяо Тяньяо, нежно сказала: «Зять, вы…»

К сожалению, не успела она договорить, как Сяо Тяньяо прервал ее: «Мерзость!»

Слово Сяо Тяньяо было сказано так прямо, жестко и безжалостно. Услышав его, Линь Сян помрачнел от стыда. Мадам Линь испугалась, ее руки затряслись. А Линь Ваньтин побледнела и замерла, так что мадам Линь пришлось тащить ее.

Третьей тете было стыдно. Линь Сянь и мадам Линь слишком избаловали Линь Ваньтин. Но они трое знали, что Линь Ваньтин вела себя сейчас как избалованная девчонка, чтобы опозорить свою сестру. Но под конец она просто попыталась соблазнить своего зятя прямо на глазах у сестры. Это тоже удивило их, но для Линь Сяна и мадам Линь их дочь просто превратилась…

В помешанную!

«Принц Сяо, брат Сян, продолжайте ваш разговор. Мы вас больше не побеспокоим», – сказала Третья тетя перед уходом. Но прежде чем уйти, не забыла попрощаться с Линь Чуцзю: «Чуцзю, приходи к нам гости иногда. Твой дядя до смерти за тебя переживает».

«Я приду, и поблагодари Третьего дядю от меня». Видеть нормального человека было редкостью, так что Линь Чуцзю чувствовала облегчение, говоря со своей Третьей тетей.

Хотя Линь Ваньтин и опозорила ее перед Сяо Тяньяо, Линь Чуцзю была очень счастлива. Что ж, такова ее семья. И кто же в итоге потерял лицо? Сам Сяо Тяньяо опозорил Линь Ваньтин.

Линь Чуцзю слабо улыбнулась, а потом она почувствовала облегчение оттого, что они с Сяо Тяньяо не обычные муж и жена. Но если бы она до сих пор была прежней Линь Чуцзю, она точно не решилась бы поднять головы перед Сяо Тяньяо.

Оказавшись снаружи, Третья тетя встретила мрачную мадам Линь и Линь Ваньтин. И как только Линь Ваньтин ее увидела, она тут же вытерла слезы и сказала: «Третья тетя, вас тоже выставили вон? Пожалуйста, не злитесь. Сестра больна, поэтому она в плохом настроении. Я прошу у вас прощения за нее, мы все-таки сестры. Но не волнуйтесь, я вернусь в поместье Сяо и постараюсь убедить сестру лично извиниться перед вами», – Линь Ваньтин сказала это, чтобы сохранить лицо перед своей тетей и чтобы иметь предлог снова пойти в поместье Сяо. И найдя способ снова попасть туда, она почувствовала себя очень счастливой.

Услышав ее слова, Третья тетя лишь рассмеялась. Затем она прямо сказала: «Ваньтин, ты слишком много о себе возомнила. Чуцзю прекрасно соблюдает приличия, и она сказала мне, что придет в гости. Ты хочешь снова навестить ее в поместье Сяо? Не нужно этого делать, она сейчас очень занята».

Аааай… Она ни за что не позволит своей дочери появиться в компании такой бесстыдницы, которая могла пытаться соблазнить своего зятя.

«Сестра, что ты имеешь в виду?» – мадам Линь скривилась от досады.

Третья тетя не удостоила мадам Линь взгляда и с отвращением сказала: «Не только Ваньтин не понимает моих слов, но и ты тоже? Разумеется, если не слушать, то и не поймешь. Я имею в виду, что после такого, ни ты, ни твоя дочь не должны появляться в нашем доме. Старая госпожа все равно не хочет вас видеть».

Третья тетя не скрывала отвращения, которое она испытывала к Линь Ваньтин. Видя это, Линь Ваньтин задрожала и слабо произнесла: «Третья тетя, почему вы встаете на сторону этой шлюхи? Может быть, она и принцесса Сяо, но я – будущая императрица. Нет, нет… я хочу стать принцессой Сяо, если принц Сяо полюбит меня и станет моим мужем, этого будет довольно для меня».

Говоря вслух то, что было у нее на сердце, Линь Ваньтин чувствовала невыразимый восторг.

«Ваньтин!!!» – вскрикнула мадам Линь. Третья тетя, которая тоже видела выражение лица Линь Ваньтин, не могла не смотреть на нее с отвращением, как будто видела чудовище.

«Нет, нет, на самом деле все не так. Я не то хотела сказать», – попыталась объяснить Линь Ваньтин, но кто стал бы ее слушать? В конце концов, некоторые слова нельзя взять назад.

*

В кабинете Линь Сян попытался объяснить Линь Чуцзю, как он испугался, когда узнал, что она давно больна. Но, он же ее отец, почему он пришел только сейчас…

Линь Чуцзю с трудом подавляла тошноту и просто кивала, как будто в самом деле слушала. После долгих объяснений Линь Сян наконец сказал:

«Чуцзю, наш семейный доктор давно работает у нас. Ему лучше всех известно состояние твоего организма. Так что я пошел сегодня к нему…»

К сожалению, Линь Сян не договорил, когда вдруг раздался крик мадам Линь: «Ваньтин! Моя бедная Ваньтин! Как же так… Сюда, кто-нибудь, сюда, скорее! Моя дочь потеряла сознание! Столько крови!»

«С Ваньтин что-то случилось?» – Линь Сян изменился в лице, затем быстро подбежал к Сяо Тяньяо: «Ванъе, ваш подданный придет позже».

Договорив, он быстро открыл дверь и вышел. Но, оказавшись снаружи, он не увидел и следа мадам Линь и Линь Ваньтин, тогда он стал ходить взад-вперед.

Такой отец и такая семья – это сплошная головная боль. К счастью, она не возлагала на них больших надежд.

Линь Чуцзю, которая наблюдала за Линь Сяном не могла не спросить Сяо Тяньяо:

«Ванъе, как он стал премьер-министром?»

Он же такой ненадежный, так как же получилось, что император счел его полезным?